

МЕЙЕР Е. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

МЕЙЕР Елена Александровна, родилась в 1884. Получила среднее образование, с 1900 — служила в учреждении Санкт-Петербурга-Петрограда-Ленинграда, в 1935 — вышла на пенсию. В декабре 1935 — арестована в Ленинграде, 15 марта 1936 — приговорена к 5 годам ИТЛ и в июне отправлена в Сиблаг, работала на свиноферме на станции Суслово Томской железной дороги. В июне 1938 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<15 июня 1938>

«Комитету по оказанию помощи политзаключенным.
гр<ажданке> Пешковой

№ д<ела> 10332/4315/35, ст<атья>
58-10 ч<асть> I — 5 л<ет>. <От>
п<олит>с<сылной> Мейер Елены
Ал<ексан>дровны, ст<анция>
Суслово Томск<ой> ж<елезной>
д<ороги>, Центральная
свиноферма, участок Раевка

Заявление

Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой помочь мне. Имея тяжелый приговор лишения свободы сроком на 5 лет; отбыв уже 2 г<ода> 7 мес<яцев>, я дошла до полного истощения. Я одинокая и ни от кого не имею помощи ни денежной, ни посылок. Единственно мне может помочь мой брат Павел Мейер, который живет во Франции, в Париже, служит в банке, Werbminsbes Bank, Place Vendime, 18, Paris France.

В бытность мою в Ленинграде в женской тюрьме Арсенальная, 9 мне была разрешена нашим уполномоченным (который в моем присутствии согласовал этот вопрос) переписка с моим братом, и я от него получала письма и посылки. Это отражено в моем деле. Прибыв сюда 30/VII - 37 г<ода> я послала ему 2 открытки с оповещением нового адреса. За дальностью расстояния мои письма, очевидно, пропали. Умоляю Вас написать моему брату письмо с моим адресом, чтобы он срочно выслал мне посылки, как продуктовые, вещевые, и деньги, ежемесячно. Если на мой адрес нельзя, то лучше всего было бы, чтобы он высылал Вам валюту в В<аше> распоряжение для посылок мне как продуктовых, так и вещевых, и немного денег ежемесячно. За это время я обносила, т<ак> к<ак> не получала ни одной казенной вещи. У меня нет обуви и ничего теплого. Жутко встречать сибирскую зиму с бурями и снегами. Прошлую зиму, первую я очень тяжело перенесла и вследствие лишений дошла до полного истощения и обострения порока сердца! Мне 54 года, имею 33 л<етний> стаж, пенсионерка вследствие целого ряда других серьезных заболеваний. По прибытии меня сюда здесь активировали меня, т<ак> к<ак> к физическому труду я не способна, а конторской работы, несмотря на мои просьбы и разносторонний опыт, не дают пока. Вследствие этого я сижу без денег и, повторяю опять, дошла до полного истощения.

Ввиду вышеизложенного прошу Вас внять моей просьбе и списаться с моим братом. Только прошу Вас не писать ему, что я в заключении. Я не хочу, чтобы он знал. В Л<енин>град он писал прямо на адрес тюрьмы. На его вопрос, почему я переменяла адрес, я написала "так надо". Если бы Вы были так добры и ответили бы мне, — могу ли я надеяться на В<аше> содействие. Это единственный путь моего спасения. Помогите мне! Не дайте мне погибнуть. У меня еще впереди 2 г<ода> 5 мес<яцев>. Я хочу

вернуться домой и включиться в трудовую жизнь. Может быть, разберется мое дело. В конце мая пр<ошлого> г<ода> я послала дополнительный материал Наркому Ежову — для прокуратуры, а также <на> помилование 15/VII пр<ошлого> г<ода> из тюрьмы с характеристикой директора фабрики, на которой я работала все время с момента прибытия в тюрьму. До сих пор не имею ответа. Не знаю, могу ли я Вас просить навести справку, где мои заявления. Если — "да", то очень прошу Вас навести справку. Хочется доказать, что я никогда антисоветских взглядов не имела и не выражала эмиграционных настроений, а лишь, узнав в Иностранном отделе милиции, что выезд разрешается на 1 год, и паспорт стоит 200 руб<лей>, хотела поехать к моему брату на 1 год отдохнуть, повидаться и полечиться. Вот это все мое "эмиграционное настроение". Повторяю, я хотела лишь повидаться, а не эмигрировать. Никуда я не поехала, нигде я не хлопотала, а свидетельница (кстати сказать, которая меня навещала в тюрьме), которой нечего было про меня сказать, привела это как пример. А Суд 15/III-1936 г<ода> приговорил меня к лишению свободы на 5 лет с формулировкой, что я, "происходя из социально чуждой среды, т<ак> к<ак> я по отцу дворянка, высказывала антисоветские взгляды, выражая эмиграционные настроения". Вывод из этого, разбита жизнь трудовая, наложено пятно, за что, до сих пор не знаю. Отец мой имел стаж свыше 50-ти лет. Служил с юных лет в Государств<енном> банке и умер в 1919 г<оду> в должности бухгалтера, 70-ти лет. А меня судили, как происходящую из социально чуждой среды. Когда отец и я с юных лет служили и ни на одну минуту не выезжали из родного Л<енин>града. Дали тяжелый срок наказания 5 лет! Я его не вынесу — здоровье сдает, а помощи нет ни от кого. Единственно, повторяю, что мой брат может помочь мне. Вследствие чего обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне в этом, списавшись с ним. Он не оставит меня. Убедительно прошу Вас сообщить мне, могу ли я рассчитывать на В<ашу> помощь и в каком виде: Вы ли на себя возьмете пересылку посылок (что мне было бы очень желательно) или же Вы сообщите только адрес моему брату. <> боюсь, из-за дальности расстояния мои письма будут всегда пропадать, а Вы, официальная организация, вернее поведете это дело.

Если только можно. Помогите мне, иначе я погибну.

Е. Майер.

1938 г<од> 15/VI.

Суслово Томск<ой> ж<елезной> д<ороги>.

Центральная Свиноферма, участок Раевка»¹.

На письме — помета рукой Екатерины Павловны Пешковой:

Пошлите 100 р<ублей> из денег для семей и что-ниб<удь> из вещей.

Е. П. 4/VII-38».

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1648. С. 183-184. Автограф.